

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8703

УДК 821.161.1.09"18"

М. В. Строганов

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук,
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Москва, Российская Федерация)
mvstrojanov@gmail.com*

Le Bourgeois gentilhomme в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»

Аннотация. У Л. Н. Толстого отсутствуют прямые высказывания о Великой французской революции, хотя определение отношения писателя к этому историческому событию позволяет понять его трактовку современных ему явлений. В этом смысле большой интерес представляет анализ ранних черновиков романа «Война и мир» (1864), проведенный в данном исследовании. В них французские политические деятели периода Директории названы «богатыми выскочками» и «вчерашними мещанами в дворянстве». Сам же Бонапарт оценивается здесь как «умный, хитрый и злой мещанин в успехе». А в наброске предисловия к роману Толстой вновь повторяет это сравнение: «смешной и гадкий, как мещанин в дворянстве». Все эти формулы восходят к знаменитой комедии Ж. Б. Мольера «Мещанин-дворянин» (1670). И хотя по своей родословной Наполеон Бонапарт не был мещанином (*Le Bourgeois*), однако происхождение из захолустной Корсики обусловило его упоминание в черновиках «Войны и мира» как «мещанина-дворянина» в значении «парвеню». Данный оборот имел негативную окраску по причине наследственной гордости и предубеждения аристократа Толстого против низших сословий и его реакции на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863). В окончательном тексте «Войны и мира» Толстой снимает эти прямые характеристики под влиянием известия о гражданской казни и ссылке Чернышевского, хотя негативная в целом оценка Наполеона остается. Поздний Толстой неоднократно использовал образы этой комедии, но не придавал им отрицательных коннотаций. Установление связи образа Наполеона с «мещанином во дворянстве» в черновиках к роману Толстого «Война и мир» позволяет точнее определить политическую позицию писателя в середине 1860-х гг.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Война и мир», Мольер, Великая французская революция, Наполеон, реминисценция, образ, мотив

Об авторе: *Строганов Михаил Викторович* — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25 а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (ул. Садовническая, 33, г. Москва, Российская Федерация, 117997)

Дата поступления: 15.06.2020

Дата публикации: 30.10.2020

Для цитирования: Строганов М. В. “Le Bourgeois gentilhomme” в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18 — № 4. — С. 248–262. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8703

Вопрос об отношении Л. Н. Толстого к революции постоянно привлекает внимание исследователей (см.: [Скорик], [Лурье], [Ореханов], [Фатеев], [Строганов, 2006]), поскольку должен объяснить соотношение радикализма и непротивленчества в его общественной позиции.

Между тем у нас нет прямых материалов, чтобы судить о том, как Толстой относился к Великой французской революции в 1850–1860-е гг. Однако считается, что свое отношение к этому событию писатель отчетливо изложил в «Войне и мире» и открыто — в Эпилоге. Поэтому для начала мы должны проверить справедливость этого расхожего мнения. Рассмотрим все двенадцать высказываний Толстого из Эпилога «Войны и мира», где употребляется слово *революция*.

Пять раз Толстой пишет о революции как об общественно-политическом явлении, но не о Великой французской революции как таковой: «При дворцовых *революциях*»; «междоусобия, *революции*, завоевания»; «как только являются *революции*, завоевания, междоусобия»; «как, например, в войне или *революции*»; «Почему происходит война или *революция*? мы не знаем»¹.

Следующая группа примеров содержит полемику Толстого с теми «историками культуры», которые ставят исторический процесс в зависимость от воли частных лиц, что, с точки зрения писателя, не объясняет закономерности исторического процесса. Вполне естественно, что эти словоупотребления также не дают никаких возможностей для понимания отношения самого Толстого к Великой французской революции:

«Если допустить, как то делают историки, что великие люди ведут человечество к достижению известных целей, состоящих или в величии России или Франции, или в равновесии Европы, или в разнесении идей *революции*, или в общем прогрессе, или в чем бы то ни было, то невозможно объяснить явлений истории без понятий о *случае* и о *гении*»².

Еще два обращения к этому слову излагают общеизвестную в то время концепцию исторической личности Наполеона как «мятежной вольности наследника и убийцы» (А. С. Пушкин). Но Толстой подчеркивает, что он не разделяет эту точку зрения:

«Гервинус, Шлоссер, например, и другие то доказывают, что Наполеон есть произведение *революции*, идей 1789 года и т. д., то прямо говорят, что поход 12-го года и другие не нравящиеся им события суть только произведения ложно направленной воли Наполеона и что самые идеи 1789-го года были остановлены в своем развитии вследствие произвола Наполеона. Идеи революции, общее настроение произвело власть Наполеона. Власть же Наполеона подавила идеи *революции* и общее настроение»³ (курсив мой. — М. С.).

И еще один раз Толстой использует это слово, чтобы опровергнуть концепцию революции как порождения эпохи Просвещения:

«Историки культуры <...> из всего огромного числа признаков, сопровождающих всякое живое явление, выбирают признак умственной деятельности и говорят, что этот признак есть причина. Но, несмотря на все их старания показать, что причина события лежала в умственной деятельности, только с большой уступчивостью можно согласиться с тем, что между умственной деятельностью и движением народов есть что-то общее, но уже ни в каком случае нельзя допустить, чтобы умственная деятельность руководила деятельностью людей, ибо такие явления, как жесточайшие убийства французской *революции*, вытекающие из проповедей о равенстве человека, и злейшие войны и казни, вытекающие из проповеди о любви, не подтверждают этого предположения»⁴ (курсив мой. — М. С.).

Толстой критикует историков, своих предшественников, в трактовке истории вообще и Великой французской революции в частности. Но все это не является прямой оценкой последней, которую можно верифицировать, вследствие чего приходится прибегать к материалам черновых редакций «Войны и мира», где Толстой непосредственнее и прямее выражал свои взгляды. Более того, в черновиках романа писатель часто называл литературные источники тех или иных образов и характеристик,

которые в окончательном тексте отбрасывал как ненужные «леса».

В ранних черновиках «Войны и мира» (первые месяцы 1864 г.) виконт Мортемар рассказывает о последних днях герцога Энгиенского, который якобы был соперником Бонапарта в любви к актрисе *m-lle Georges*. При этом стоит учитывать, что вся история этого соперничества вымышлена либо самим Толстым, либо тем неустановленным источником, на который он опирался, и это почти полное отсутствие верификации данного эпизода очень важно для его понимания. В ответ на заботу виконта Мортемара о его жизни герцог возражал:

«— Неужели вы думаете, что Буонапарте решился бы на что-нибудь против меня. Мое имя и мой характер слишком обеспечивают меня»⁵.

Возражая на это, виконт говорит герцогу:

«Я всего жду от друга цареубийц *et un parvenu ambitieux* <и честолюбивого выскочки>»⁶.

Далее виконт неоднократно упоминает людей, которые выдвинулись в общественной жизни в результате революционных событий и входили в окружение *m-lle Georges*:

«...между толпами всех новых людей *parvenu de la finance* <богатых выскочек>, администраторов и всей этой дурной новой породы людей, которые теперь царствуют в Париже, она никого еще не выбрала, чтобы кинуть свой платок...»⁷.

«Когда [эта сволочь, вчерашние мещане в дворянстве] все эти *gens de dessous terre* <люди неизвестно откуда>, добивавшиеся *bonnes graces* <благосклонности> великой актрисы, узнали, что соперником их делается их господин, все эти *plats pieds* <подлецы> с подобострастием оставили поле свободным и исчезли»⁸.

Все эти оценки политических деятелей последнего этапа консульства Бонапарта и начального этапа империи Наполеона (во главе с ним самим, так как первая оценка относится именно к нему) характеризуют их, с современной точки зрения, как деятелей контрреволюции. Но современники видели в этих людях продолжателей революционного процесса. Данные оценки принадлежат виконту Мортемару, но

разделяют их все посетители салона Шерер. Эти суждения производят впечатление грубой ругани аристократа, который не считает себя обязанным соблюдать приличия по отношению к черни: «*un parvenu ambitieux*» <фр.; *честолюбивый выскочка*>; «*parvenu de la finance*» <фр.; *богатые выскочки*>; «*администраторы*»; «*дурная новая порода людей, которые теперь царствуют в Париже*»; «*эта сволочь, вчерашние мещане в дворянстве*»; «*gens de dessous terre*» <фр.; *люди неизвестно откуда*>; «*plats pieds*» <фр.; *подлецы*>.

В салоне Шерер один Пьер Безухов считал Бонапарта великим человеком. Но аристократизм Пьера весьма сомнительного свойства — недаром его отец, старый граф Безухов, говорит о сыне так:

«Ну... <...> я желал бы его другим, ни малейшей любви к славе... <...> Ну, да какой есть. Ему бы надо родиться мещанином, а не князем Безуховым»⁹.

В другом месте ранних редакций романа князь Долгоруков рассказывал о своей встрече с Бонапартом «и повторял несколько раз, до какой степени поразило его отсутствие всякого царского величия в этом человеке»:

«— Правда, видно, что это умный человек, но не более того <...> умный, хитрый и злой мещанин в успехе и больше ничего»¹⁰.

Формула *мещанин в успехе* — это не произвольное сочетание слов, а модификация несколько непривычного для нас синонима фразеологического оборота с сочетанием *в случае* (ср. оборот «*вельможа в случае*» в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»).

Суммируя эти интенции эпохи, Толстой в наброске одного из предисловий к роману пишет:

«Я говорю о времени первых годов царствования Александра I-го в России и первых годов могущества Наполеона во Франции.

Время между французской большой революцией и пожаром Москвы <...> то время, когда маленький человечек в сереньком сертучке и треугольной шляпе, с орлиным носом и умными глазами воображал себе, что он управляет историею, и старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения, представлялся чем-то непонятным, то страшным, как антихрист,

то смешным и гадким, как мещанин в дворянстве, то великим, как герои древности.

То время, когда у нас в России этого человека <звали> Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиных, и когда в дипломатических актах называли его “*cet homme*” <этот человек>. <...> ...то время, когда молодой любезный и красивый монарх Александр I <...> искренно желал только устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme <завоевания этого человека>»¹¹.

Толстой пишет от своего лица, но все оценки Бонапарта / Наполеона принадлежат изображаемой эпохе: «смешной и гадкий, как мещанин в дворянстве», «*cet homme*» (этот человек). Однако в черновом наброске в ноябре 1863 г. Толстой от своего лица даст сводную концепцию Наполеона, которая во многом повторяет эти характеристики: «Наполеон откупщик. Презрение к людям, успех»¹².

А чуть позднее развернет более пространно:

«Я пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории»¹³.

В объяснение этой позиции Толстой пишет целую «аристократическую» главу, которой уже посвящено немало работ (см., в частности: [Строганова], [Полосина]), так что мы позволим себе процитировать только один небольшой фрагмент:

«Я не мещанин, как смело говорил Пушкин, и смело говорю, что я аристократ, и по рождению, и по привычкам, и по положению»¹⁴.

Толстой, конечно, сознательно сдвигает перспективу: Пушкин вовсе не «смело говорил», что он мещанин, а иронизировал с тех же позиций родовитой аристократии, с которых позднее Толстой «смело говорил», что он аристократ. Но и для того, чтобы так иронизировать над дворянством в 1830-х гг., как это делал Пушкин, и чтобы открыто признаться в своих дворянских предпочтениях в 1860-х гг., как это делал Толстой, нужно было иметь на самом деле большую смелость. И то и другое было бравадой, обеспеченной сословными преимуществами и обусловленной сословными предрассудками.

Поэтому оценки виконта Мортемара могут быть признаны и оценками самого Толстого.

Для писателя ключевым словом во всех оценках людей, выдвинутых вперед эпохой «революции», является *парвеню*, а наиболее адекватным литературным «предтекстом» — образ «мещанина во дворянстве», который восходит к знаменитой пьесе Ж.-Б. Мольера «Мещанин-дворянин» (1670). С драматургической точки зрения это не самая удачная пьеса Мольера: сюжет в ней разворачивается слишком медленно, балетные эпизоды с музыкой Ж.-Б. Люлли явно теснят собою драматические. И тем не менее эта пьеса остается одной из самых сценически популярных вещей Мольера — она, как известно, вошла в программу школьного образования даже в России, что придает ей совершенно особое значение.

Более того, Мольер создал близкий к архетипу образ *мещанина во дворянстве*, которому свойствен большой диапазон интерпретаций между фольклорными присловьями «ни пава ни ворона» и «не в свои сани не садись». Не будучи буквально вечным образом, образ «мещанина во дворянстве» (а не господина Журдена) по своему историческому значению имеет право занимать вполне законное место в одном ряду с Гамлетом и Дон Кихотом. И наконец, эта пьеса поднимает один из важнейших вопросов социальной коммуникации, который не утрачивает актуальности и в наше время и который со всей отчетливостью сформулирован в самом известном эпизоде пьесы, в разговоре г-на Журдена и учителя философии:

Учитель философии. <...> ...мы можем выражать наши мысли только двумя способами: или прозой, или стихами.

Господин Журден. Только прозой или стихами?

Учитель философии. Не иначе. Все то, что не проза, — стихи, и все то, что не стихи, — проза.

Господин Журден. А как же мы говорим?

Учитель философии. Прозой.

Г-н Журден. Как! Когда я говорю: “Николь, принеси мне туфли и ночной колпак”, — так это проза?

Учитель философии. Да, сударь.

Господин Журден. Честное слово! Уж больше сорока лет говорю прозой, сам того не зная¹⁵.

В этом эпизоде обсуждается актуальная для современников Декарта проблема соотношения утилитарного языка и языка искусства. Между тем данный эпизод вспоминают обычно для того, чтобы посмеяться над господином Журденом. И даже более: непонимание того, что бытовая речь человека является прозой, породило крылатое выражение. Л. Н. Толстой неоднократно использовал его: так, в дневнике¹⁶ 7 октября 1892 г. о духовном швейцарском франкоязычном писателе А.-Ф. Амиеле Толстой писал:

«...Он во многих местах говорит о том, что должно сложиться новое христианство, что в будущем должна быть религия. А между тем сам, частью стоицизмом, частью буддизмом, частью, главное, христианством, как он понимает его, он живет и с этим умирает. Он как *bourgeois gentilhomme fait de la religion sans le savoir* <мещанин в дворянстве осуществляет религию, сам того не зная>. Едва ли это не самая лучшая. Он не имеет соблазна любоваться на нее [свою религию]»¹⁷.

Эта формула, видимо, так понравилась Толстому, что в письме к Д. А. Хилкову от 5 марта 1894 г. он повторяет ее:

«Надо устанавливать свое отношение к Богу и, сообразно ему, устанавливать его к людям, т. е. жить. И когда у многих людей установится это одно и то же отношение к Богу, то само собою вытечет культ — художественное проявление его, которое прямо будет влиять на сердца людей и привлекать их. Надо как *bourgeois gentilhomme, faisant de la prose sans le savoir* <фр.; мещанин во дворянстве, который говорит прозой, сам того не зная>, чтобы и культ совершался также без того, чтобы мы знали про него»¹⁸.

В этих поздних высказываниях о способах исповедания веры Толстой использует поговорку *говорит прозой, сам того не зная*, в положительном, с его точки зрения, смысле: «говорит естественно, не раздумывая».

Однако существует огромная разница между использованием поговорки «Все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза» и номинации *мещанин во дворянстве* — иронического или даже саркастического суждения о тщеславном человеке, который прилагает усилия к тому, чтобы попасть

в «высшее общество». Так говорят о выскочке, который старается выглядеть важным и образованным человеком, и многочисленные примеры такого словоупотребления широко известны¹⁹.

В черновиках «Войны и мира» упоминание «Мещанина-дворянина» в значении «парвеню» всегда окрашено негативными оттенками. Наследственная гордость и предубеждение аристократа против низших сословий сквозит в каждом слове. На основании этих оценок нельзя сказать, конечно, что Толстой считал Великую французскую революцию делом «мещан во дворянстве». Но можно утверждать, что появление такого рода людей он считал прямым следствием революции.

В окончательном тексте всех этих оценок, однако, мы не находим: они исчезли уже в первой завершённой редакции романа²⁰. Только один раз Ипполит Курагин говорит о Наполеоне: «C'est un roturier, vous aurez beau dire». Толстой сам переводит этот текст под строкой: «Выскочка, что ни говорит»²¹.

Перевод этот в достаточной степени произволен, поскольку нормативным переводом французского слова *roturier* является не русское слово *выскочка*, а выражение *незнатного происхождения*. Таким образом, в окончательном тексте романа мы не находим ни одного слова из тех, которые Толстой использовал в черновиках для характеристики людей, выдвинутых революцией. Слово *выскочка* появляется только в подстрочном переводе, и поэтому читатель практически не обращает на него никакого внимания.

В окончательной редакции романа появились другие характеристики. Внешне они очень различны. С одной стороны, сама Анна Павловна считает, что «нашему доброму и чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он так добродетелен и хорош, что Бог не оставит его, и он исполнит свое призвание задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея. Мы одни должны искупить кровь праведника...»²². Здесь следует напомнить, что гидра была любимым образом для обозначения французской революции в русской поэзии периода наполеоновских войн (см.: [Война 1812 года и концепт «отечество»: 329, 433,

462, 464, 493, 532, 538, 541, 569]). С другой стороны, Пьер Безухов говорит:

«...Бурбоны бежали от революции, предоставив народ анархии; а один Наполеон умел понять революцию, победить ее, и потому для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека. <...> Нет <...> ...Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил ее злоупотребления, удержав все хорошее — и равенство граждан, и свободу слова и печати — и только потому приобрел власть. <...> Это были крайности, разумеется, но не в них все значение, а значение в правах человека, в эманципации от предрассудков, в равенстве граждан; и все эти идеи Наполеон удержал во всей их силе»²³.

Кажется, что эти оценки существенно различаются. Однако, невзирая на то, что для Анны Павловны существует только *Буонапарте*, а для Пьера уже *Наполеон*, — оба героя связывают это историческое лицо с революцией. Только для Анны Павловны Наполеон Бонапарт является продолжателем революции, самим ее воплощением, «гидрой», а для Пьера он не что иное, как ее усмиритель, сумевший удержать все революционные достижения. Именно поэтому Анна Павловна использует итальянизированную форму *Буонапарте* (о причинах и значении разных номинаций Наполеона Бонапарта см.: [Строганов, 2014; Stroganov, 2014]), так как видит в Наполеоне выскочку, парвеню: какой-то корсиканец (пускай и дворянин) занял императорский трон! А Пьер называет Бонапарта *Наполеоном*, вполне законным правителем Франции, хотя бы уже потому, что тот сумел преодолеть анархию революции.

Ни Анна Павловна, ни Пьер не пользуются понятием «мещанин во дворянстве» при характеристике Наполеона. В чем же причина такой смены оценок?

Как следует полагать, она заключалась в событиях российской духовной жизни. В 1863 г. был опубликован роман Н. Г. Чернышевского о «новых людях», который вызвал бурную волну протеста в дворянских кругах. Одним из самых резких выпадов против романа Чернышевского была статья А. А. Фета (при участии В. П. Боткина), так и не увидевшая свет, но, видимо, известная Толстому²⁴. Сам Толстой отреагировал на

роман Чернышевского в ряде драматургических замыслов, которые, впрочем, так и не довел до печати. И все резкие выпады в черновиках «Войны и мира» против «мещан во дворянстве» и парвеню были адресованы, таким образом, не столько деятелям «наполеоновского» этапа французской революции, сколько русским семинаристам 1860-х гг. Толстым как аристократом руководили сословная гордость и предубеждение против низших сословий. В связи с этим еще раз вспомним «аристократическую» главу с ее знаменитыми словами: «Я не мещанин, как смело говорил Пушкин, и смело говорю, что я аристократ, и по рождению, и по привычкам, и по положенью»²⁵.

Но после гражданской казни и ссылки Чернышевского в 1864 г. и Толстой снимает эти оценки (а Фет во многом по этим же причинам отказывается от замысла опубликовать статью). Едва ли удаление выпадов против «мещан во дворянстве» и «парвеню» отразилось на идеологической структуре «Войны и мира» в целом, но от своих резких сословных суждений Толстой отказался.

Таким образом, те оценки, которые Толстой дал деятелям французской революции, определялись не историческим изучением материала, а литературным поведением писателя в кругу единомышленников, а именно среди авторов журнала «Современник», в котором, как известно из других источников, Толстой позиционировал себя как аристократа, позволяя себе сознательно нарушать правила литературной общности. В этом отношении весьма показателен замысел комедии «Дядюшкино благословение». Она была задумана еще в 1856 г., когда расслоение в «Современнике» только формировалось. Подступая к этой комедии, Толстой отметил в дневнике 11 октября 1856 г.:

«Прочел *Bourgeois Gentleman* и много думал о комедии из Оленькиной жизни, в двух действиях. Кажется, может быть порядочно»²⁶.

Толстой упоминает «мещанина-дворянина» отнюдь не случайно: он намерен высмеять в своей комедии людей третьего сословия, метящих в дворяне, «ворон в павлиньих перьях».

Именно в данном контексте и следует воспринимать «мещанина во дворянстве» в черновиках «Войны и мира».

Реминисценции образа «мещанина во дворянстве» выявляют генетическое родство двух текстов, которые внешне не имеют друг с другом ничего общего. В данном случае выясняется, что трактовка образа Наполеона в романе «Война и мир» восходит к комедии Мольера. Это не только историко-литературный факт. Это факт исторической поэтики, факт бытования устойчивого образа в мировой культуре.

Примечания

- ¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7. С. 322, 324, 326, 328, 336.
- ² Там же. С. 249.
- ³ Там же. С. 314–315.
- ⁴ Там же. С. 316.
- ⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 13. С. 213.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 214.
- ⁹ Там же. С. 165.
- ¹⁰ Там же. С. 505.
- ¹¹ Там же. С. 75–76.
- ¹² Там же. С. 21.
- ¹³ Там же. С. 238.
- ¹⁴ Там же. С. 239.
- ¹⁵ Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: в 3 т. Л.: Гослитиздат, 1939. Т. 3. С. 708–709.
- ¹⁶ См.: [Петровская: 13–33].
- ¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 52. С. 74.
- ¹⁸ Там же. Т. 67. С. 70.
- ¹⁹ Словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1487/Мещанин (18.07.2019).
- ²⁰ Первая завершённая редакция романа «Война и мир» / подгот. к печати и вступ. ст. Э. Е. Зайденшнур. М.: Наука, 1983. С. 82–86. (Литературное наследство; т. 94).
- ²¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 4. С. 29.
- ²² Там же. С. 9.
- ²³ Там же. С. 28–29.
- ²⁴ Фет А. А. Соч. и письма: в 20 т. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. Т. 3. С. 458–464.
- ²⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 13. С. 242.
- ²⁶ Там же. Т. 47. С. 94.

Список литературы

1. Война 1812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы / ред. М. В. Строганов. — Тверь: СФК-Офис, 2012. — 688 с.
2. Лурье Я. С. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. — 168 с.
3. Ореханов Георгий, прот. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: причины конфликта и его восприятие современниками. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. — 696 с.
4. Петровская Е. В. Дневник А.-Ф. Амиеля и его место в жизни и творчестве Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник-2016: статьи, материалы, публикации. — Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2017. — С. 13–33.
5. Полосина А. Л. Н. Толстой об аристократизме и аристократах // Нева. — 2009. — № 9. — С. 179–185.
6. Скорик Е. Ф. Концепция ненасилия Л. Н. Толстого: история и современность: автореф. ... дис. канд. филос. наук. — М.: Гуманитарная академия Вооруженных сил, 1992. — 20 с.
7. Строганов М. В. Лев Толстой и декабристы. — Тверь: Лилия Принт, 2006. — 124 с.
8. Строганов М. В. Толстой и Наполеон // Толстой сегодня: материалы Толстовских чтений 2012 г. / отв. ред. Л. В. Гладкова. — М.: Оригинал-макет, 2014. — С. 49–62.
9. Строганова Е. Н. Пушкинские начала в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. — 85 с.
10. Фатеев В. А. Лев Толстой и революция: «религиозная» философия с нигилистической подкладкой // Христианское чтение. — 2017. — № 2. — С. 325–344.
11. Stroganov M. Tolstoy and Napoleon // Tolstoy Studies Journal: A Publication of the North American Tolstoy. — 2014. — № XXVI. — Pp. 55–61.

Mikhail V. Stroganov

A. M. Gorky Institute of World Literature,
The Russian Academy of Sciences,
Russian State University named after A. N. Kosygin
(Moscow, Russian Federation)
mvstroganov@gmail.com

Le Bourgeois Gentilhomme in Leo Tolstoy's Novel *War and Peace*

Abstract. L. N. Tolstoy does not make any direct statements about the great French Revolution, although a probe into the writer's attitude to this historical event allows us to understand his interpretation of phenomena contemporary to him. In this sense, the analysis of the early drafts of the novel *War and Peace* (1864) conducted in this article is of great interest. In these drafts, French politicians of the Directory period are called 'rich upstarts' and 'yesterday's bourgeois gentilhommes.' Bonaparte himself is referred to as "a clever, cunning and evil successful bourgeois." And in the outline of the preface to the novel Tolstoy repeats this comparison again: "funny and disgusting, like a Philistine in the nobility." All of these formulas date back to the famous comedy by J. B. Moliere *Le Bourgeois Gentilhomme* (1670). Although Napoleon Bonaparte was not a bourgeois by birth, his origins in the provincial Corsica led to a mention of him as a "bourgeois nobleman," or parvenu in the drafts of *War and Peace*. This expression had a negative connotation due to the hereditary pride and prejudice of the aristocrat Tolstoy against the lower classes and his reaction to the novel by N. G. Chernyshevsky's *What Is to Be Done?* (1863). In the final text of *War and Peace*, influenced by the news of the civil execution and exile of Chernyshevsky, Tolstoy removed these direct characteristics, although the overall negative assessment of Napoleon remained. Later Tolstoy repeatedly used images of this comedy, but did not attach negative connotations to them. Establishing the connection between the image of Napoleon and the "bourgeois gentilhommes" in the drafts for Tolstoy's novel *War and Peace* allows us to more accurately determine the writer's political views in the mid-1860s.

Keywords: Leo Tolstoy, War and Peace, Moliere, the French revolution, Napoleon, reminiscence, image, motif

About the author: *Stroganov Mikhail V.* — Doctor of Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, The Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); Professor of Chair of General and Slavonic Art, Institute of Slavonic Culture, Russian State University named after A. N. Kosygin (ul. Sadovnicheskaya 33, Moscow, 117997, Russian Federation)

Received: June 15, 2020

Date of publication: October 30, 2020

For citation: Stroganov M. V. "Le Bourgeois Gentilhomme" in Leo Tolstoy's Novel "War and Peace". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 248–262. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8703 (In Russ.)

References

1. *Voyna 1812 goda i kontsept «otechestvo». Iz istorii osmysleniya gosudarstvennoy i natsional'noy identichnosti v Rossii: issledovaniya i materialy* [War of 1812 and Concept "Fatherland". From History of Judgment of the State and National Identity in Russia. Researches and Materials]. Tver, SFK-Ofis Publ., 2012. 688 p. (In Russ.)
2. Lourié Ya. S. *Posle L'va Tolstogo. Istoricheskie vozzreniya Tolstogo i problemy XX veka* [After Leo Tolstoy. Historical Views of Tolstoy and the Problems of the 20th Century]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1993. 168 p. (In Russ.)
3. Orekhanov Georgiy, archpriest. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i L. N. Tolstoy: prichiny konflikta i ego vospriyatie sovremennikami* [Russian Orthodox Church and Leo Tolstoy: The Causes of the Conflict and Its Perception by Contemporaries]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox University Publ., 2010. 696 p. (In Russ.)
4. Petrovskaya E. V. *Diary of A.-F. Amiel and His Place in the Life and Work of Leo Tolstoy*. In: *Yasnopolyanskiy sbornik-2016: stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana Collected Works-2016: Articles, Materials, Publications]. Tula, Leo Tolstoy Museum-Estate "Yasnaya Polyana" Publ., 2017, pp. 13–33. (In Russ.)
5. Polosina A. *Leo Tolstoy About Aristocracy and Aristocrats*. In: *Neva*, 2009, no. 9, pp. 179–185. (In Russ.)
6. Skorik E. F. *Kontseptsiya nenasiliya L. N. Tolstogo: istoriya i sovremennost': avtoref. ... dis. kand. filos. nauk* [The Concept of Non-Violence of L. N. Tolstoy: History and Modernity. PhD. philos. sci. diss. abstract]. Moscow, Gumanitarnaya akademiya Vooruzhennykh sil Publ., 1992. 20 p. (In Russ.)
7. Stroganov M. V. *Lev Tolstoy i dekabristy* [Leo Tolstoy and the Decembrists]. Tver, Liliya Print Publ., 2006. 124 p. (In Russ.)
8. Stroganov M. V. *Tolstoy and Napoleon*. In: *Tolstoy segodnya: materialy Tolstovskikh chteniy 2012 g.* [Tolstoy Today: Materials of the Tolstoy Readings 2012]. Moscow, Original-maket Publ., 2014, pp. 49–62. (In Russ.)
9. Stroganova E. N. *Pushkinskie nachala v «Voyne i mire» L. N. Tolstogo* [Pushkin's Beginnings in the "War and Peace" by L. N. Tolstoy]. Kalinin, Kalinin State University Publ., 1989. 85 p. (In Russ.)
10. Fateev V. A. *Leo Tolstoy and the Revolution: Religious Philosophy with a Nihilist Lining*. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2017, no. 2, pp. 325–344. (In Russ.)
11. Stroganov M. *Tolstoy and Napoleon*. In: *Tolstoy Studies Journal: A Publication of the North American Tolstoy*, 2014, no. 26, pp. 55–61. (In English)